

Л. К. Рябова

К методологии исследования восприятия городского пространства (случай Выборга)¹

В последние десятилетия исследования в рамках локальной истории, в частности, истории городов и урбанистики в целом, дополнились изучением воображаемого пространства города, что связано с интересом к вопросам ментальности городского населения, проблемам территориальной и культурной (а иногда и цивилизационной) идентичности. Становится очевидным междисциплинарный характер подобных исследований, при котором академический интерес к проблеме обнаруживается не только в области социологии и культурной антропологии, но и в гуманитарной географии, городской антропологии, геоистории и других отраслях гуманитарного знания. Неудивительно, что каждая из наук привносит свои принципы и методы работы, усложняя исследовательский процесс и порождая методологический плюрализм.

Аналізу исследования категории образа города в различных науках уделяют внимание многие российские и зарубежные авторы. При этом значительная часть исследователей обращается к классической работе американского специалиста в области городского планирования К. Линча «Образ города» (1960)², введенным им понятиям (например «вообразимость») и разработанным им методам. Однако нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, в частности, Л. П. Замятина, полагающего, что «топографический» метод К. Линча может быть применен только к городу «сегодня» и оказывается весьма спорным применительно к исторической ретроспективе³. Одновременно Л. П. Замятин рассматривает и другие применяемые различными научными дисциплинами методы: искусствоведческий, когда индивидуальные образы города, созданные в сознании отдельного деятеля культуры, передаются всему населению посредством произведений искусства; методы политологии (образ города как психиче-

***Рябова Людмила
Константиновна,***
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

ское явление); метод филологических исследований, при котором основным инструментом реконструкции образа города являются слова-маркеры и метафоры, с помощью которых характеризуется город и которые могут быть использованы для анализа любых письменных текстов, в том числе прессы; методы гуманитарной географии, которая предупреждает об опасности недостаточно подготовленной интерпретации образа при неполной и часто некорректно проведенной его репрезентации. Здесь, как считает Л. П. Замятин, важны не только ментальные образы города, но и географический образ, который складывается из пространственных представлений о городе и системы знаков и символов, наиболее ярко характеризующих определенный город. Автор предлагает классификацию географических образов в зависимости от репрезентирующих их источников: образы, реконструируемые средствами массовой информации, созданные в повествовательных текстах, научных текстах, социологических опросах и полученные через статистические данные и полевые исследования⁴.

Непреходящей темой академического интереса остается проблема выявления территориальной идентичности, что, в свою очередь, требует внимания к методам городской антропологии. Этому вопросу посвящена работа канадской исследовательницы Т. Ричардсон, обратившей внимание на то, что хотя городская антропология по методам близка к социологии, в вопросах изучения образа города внимание должно быть обращено не к антропологии в городах, а на антропологию *города*. Это различие, по мнению Т. Ричардсон, остается важной методологической рамкой, и многие из наиболее интересных современных антропологических исследований городов посвящены именно городскому воображаемому, практикам и политике одновременно, примеры чего, как отмечает автор, можно найти в недавних монографиях об Одессе, Сантьяго и Берлине⁵. Этот перечень можно дополнить работами американских историков Карла Куоллса о Севастополе (2009, 2011), Хизер ДеХаан о Баку и Нижнем Новгороде (2013) и других авторов⁶.

С методологической точки зрения интересны также работы некоторых западных исследователей, обратившихся к истории малых городов Европы и к проблемам идентичности и пространственного воображения, что стало предметом особого интереса в европейской историографии и породило необходимость компаративного исследования на основе национальных методологий⁷.

Восприятие городского пространства действительно является сейчас одной из важнейших категорий, которыми оперируют урбанисты, социологи, географы, психологи и архитекторы. Вместе с тем проблема того, какие методы могут использоваться в исследованиях по этой тематике, сравнительно мало исследована. Различные методологические подходы, а также методы и техники, которые могут быть продуктивными для изучения восприятия городского пространства, рассматриваются в статье Е. А. Бунич, которая также предлагает и анализирует наиболее эффективные возможности их сочетания. Здесь автор обращает

внимание на ряд методов: go-along, изучение ментальных (или когнитивных) карт, автоэтнография (связана с изучением исследователем собственного опыта для получения культурного опыта), анализ видеозаписей и интервью⁸.

Предлагается и интерпретация города как культурной формы, когда городская идентичность рассматривается в логике концепции «воображаемого сообщества». В данном случае основой идентичности предлагается считать представления о городе, а не о сообществе. В поисках теоретического аппарата для описания содержания этих представлений некоторые авторы обращаются к понятию культурной формы (см. концепцию «культурных инсценировок» Л. Г. Ионина, где становление идентичностей объясняется как разворачивание культурных образцов, которые в течение некоторого времени были латентными, то есть не находили своего воплощения в общественной практике⁹).

Исследователи изучают и так называемый «локальный текст», который понимается как система ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с конкретным городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом¹⁰. Ряд историков подчеркивает значение анализа исторического дискурса, выявления «историко-культурного контекста» в городском пространстве и эффекта «присутствия истории» в городе¹¹, то есть речь идет о развитии «исторической урбанистики» и присущих ей научных методах.

В 1999 г. вышла работа американского исследователя Дж. Дональда «Воображая современный город», оказавшая существенное влияние на последующие работы в этой области¹². Автор попытался объяснить сложное взаимодействие между городом и человеком через литературные, кинематографические, архитектурные и социологические «вызовы» городской среды, начиная с многослойной социальной географии Лондона Ч. Диккенса и Парижа Ш. Бодлера, рассматривая затем имперский Берлин через социологию Г. Зиммеля, Чикаго — через кинематограф («Асфальтовые джунгли» Дж. Хьюстона, города Фрица Ланга и Тима Бертона); Дублин в творчестве Дж. Джойса и другие. Дж. Дональд считает, что все эти города являются не столько физическим местом, сколько конструктами средств массовой информации и ума, которые и должны быть предметом анализа.

Книга Дж. Дональда вызвала живую реакцию в научном мире и многочисленные отклики. Одной из таких интересных и важных в методологическом отношении публикаций стала статья голландских историков Х. ван Хоутума и Х. Эрнста «Новый взгляд на воображаемое городское пространство: описание и анализ взаимодействия пограничных городов»¹³. Исходным для авторов статьи стал достаточно спорный тезис Дж. Дональда о том, что город несет в себе не только «суетность, грязь и незащищенность», но и поддерживает стремление общества к *социации* (английский перевод немецкого термина *Vergesellschaftung*, которым Г. Зиммель обозначил сознательное объединение человеческих существ; в социологии Зиммеля центральной задачей было изучение основных форм

таких объединений. — Л. Р.). Авторы поставили задачу показать явление социации не внутри одного города, а как стремление к общности и космополитизации соседних пограничных городов. Для исследования «воображаемого» (в данном случае, в рамках нашего научного интереса — это представление городского пространства Выборга финнами и русскими) будут весьма значимы те методологические установки, которые даны в статье голландских специалистов. Авторы изначально исходят из решительного отказа от противопоставления реальности и «воображаемого» города, как это делает Дж. Дональд. «Город не существует вне воображения, он стал реальным благодаря воображению»¹⁴. Х. ван Хоутум и Х. Эрнст ставят задачу тщательно исследовать современные воображения «через границу». Здесь они следуют за довольно риторически озаглавленной книгой французского социолога А. Турена «Можем ли мы жить вместе?»¹⁵, утверждающего, что, несмотря на глобализацию и практику мультикультурализма, в обществах (в том числе, в городском пространстве) увеличивается разрыв культурных идентичностей. Акцентируя внимание на общности образов и воображения по разные стороны границы, голландские ученые ставят задачу понять, как моделируется городское пространство в бинациональном городе, как это переосмысление и новая «расшифровка» города обнаруживает себя в современных практиках граждан, живущих в воображаемом бинациональном и поликультурном пограничном городе, и что делает город как таковой в нашем воображении? «Город есть игра с настоящим и ненастоящим. Город внутри нас. Город за пределами языка». Нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что «путешествие *там* делает воображаемый город более живым, чем путешествие здесь (курсив в оригинале. — Л. Р.)». Авторы замечают (с отсылками к известной лекции Г. Зиммеля 1903 г.), что это и есть тот «деликатный и интригующий» баланс между физической близостью городов и искусством «социальной дистанции» (понятие *чужака*, пришедшего из другого *пространства*), который делает город живым. «Город — не место, это мираж своего собственного контингента и контекстуального воображения», — резюмируют авторы. Однако здесь возникает вопрос: если мы принимаем идентичность как мираж, то что же делает его реальным в нашем воображении? По мнению Х. Лефевра, пространство воображаемого города создается из метафорического языка текстов¹⁶. Конструирование пересечения соседних пограничных городов нуждается в распространении наших ментальных образов, воображения и взаимодействия индивидуальной «текстуры» и языков разделенных городов. Чтобы «заявить о себе», город нуждается в «соседях»¹⁷.

Одним из типичных и достаточно интересных случаев складывания пространственной и культурной идентичности является Выборг, чья богатая событиями история и статус пограничного города в Северо-Западном регионе России сделали его уникальным исследовательским полем, привлекающим внимание главным образом историков и социологов. Изучение восприятия городского пространства жителями Выборга и особенностей их

идентификации нуждается в привлечении опыта подобных исследований, нашедшего отражение в историографии последних лет.

Вопросам изучения пограничных городов в литературе уделяется достаточно внимания. Рассматривается, например, специфика идентичности и восприятия городского пространства, а также понятие «соседства» (внешнего и внутреннего, в рамках города). Так, в работе голландского историка Габриэль Доррен анализируется ситуация «соседства» в небольшом городе Харлеме, в провинции Голландии XVII в. В обстановке политической нестабильности того времени, религиозных и культурных наслоений, интенсивной иммиграции в городе, тем не менее, без особых трудностей был сохранен мир. Одним из механизмов, которые удерживали общество от распада и конфликтов, был «район», который рассматривается автором как некая пограничная единица, вбиравшая в себя не только этноконфессиональную идентичность, но и пространственную¹⁸. В работе британского историка В. Дикона, посвященной изучению территориальной идентичности Корнуолла конца XVIII–XIX вв., в основу исследования положены принципы «различия, интеграции, нарратива, контекста и масштаба»¹⁹, а также пространственного положения города.

Многие исследователи, обращающиеся к проблематике «пограничности», ссылаются на модель формирования региональной идентичности, предложенную известным финским географом Ансси Пааси. Значение подходов, выработанных им, отмечает, в частности, британский исследователь П. Ричардсон, работающий в достаточно новой для российской науки области пограничных исследований (Border Studies). Наибольший интерес, по его мнению, представляет идея А. Пааси о том, что, воспринимая пограничных соседей, изучая менталитет пограничных народов, мы узнаем больше о себе. П. Ричардсон отмечает также и методологическое значение ставшей уже классической книги профессора Колумбийского университета Э. Саида «Ориентализм»²⁰. Эта книга не только о границах, но прежде всего об изображении «нас» и «других». Как пишет П. Ричардсон, «Саид и Пааси рассматривают границу как зеркало»²¹.

В связи с многообразием разработанных методик исследования важно в первую очередь определить «доминантные свойства» объекта изучения и возможность применения к нему конкретных исследовательских методик. В случае с Выборгом такими доминантами стали пограничное положение города, переплетение в его судьбе шведской, финской и русской истории, длительная история разделения контрастных культурных и политических систем границей между Россией и Финляндией. Изменение границ, происходившее не один раз в истории города, привело к изменению ментальностей и формированию сложных по своему содержанию идентичностей.

Этой проблеме посвящена книга уже упоминавшегося здесь финского ученого А. Пааси «Территории, границы и сознание: изменения в географии финско-русской границы»²². Пааси исходил из гипотезы о том, что значение границы для жизни людей нельзя понять без

анализа ее роли в общественном сознании, в человеческой «территориальности», самоидентификации человека с территориями, в том числе с городом. В этом смысле работа Пааси выходит за рамки локального исследования, предлагая теоретически обоснованный анализ формирования территорий и их границ в меняющейся географии Финляндии. Историю строительства российско-финской границы автор рассматривает на основе современной социо- и геополитической теории, интерпретируя роль границы в изменении социально-пространственного сознания финского народа. Этот важный теоретический анализ стал ключевым в переосмыслении пограничных исследований и своеобразной критической «экспертизой географического разлома» в мировой истории.

В рамках Border Studies несомненный интерес представляют и другие работы А. Пааси²³, а также финской исследовательницы Марии Лахтенмяки. В частности, она прослеживает влияние границы на ментальные процессы, происходившие на территории Восточной Финляндии в 1910–1920-х гг. Автор, избравшая конкретно-исторический подход, считает рассматриваемые проблемы до сих пор актуальными, поскольку граница разделила, помимо прочего, и национальные характеры финнов и русских, хотя «ментальные и символические границы были сконструированы в человеческих умах между областями, которые существенно не отличались друг от друга, как по природным условиям, так и по этническому базису людей»²⁴. Этой точке зрения близки российские исследователи, полагающие, что, несмотря на существенные различия между российской и финской частями Карелии, этот регион может претендовать на статус «транснационального района», характеризующегося общими культурными и историческими традициями²⁵.

В случае с Выборгом можно было бы предположить, что с течением времени (прошло не одно десятилетие после последнего изменения границ) острота проблемы «снимается». Однако исследования последних лет показывают, что это не так. В октябре 2013 г. исследовательская группа из МГИМО (У) МИД России провела экспедицию в три пограничных с Европой города России — Санкт-Петербург, Кронштадт и Выборг, с целью определить, как приграничное положение влияет на идентичность людей, проживающих в этих городах, и как пространство влияет на формирование этих идентичностей. Ученые полагали, что в данном исследовании центральным звеном будет интерпретация пространства²⁶. В ходе исследования были выявлены основные признаки пространственной интерпретации. Применительно к Выборгу это *пограничность, периферийность и близость к Европе*. Если пограничность Петербурга и Кронштадта может интерпретироваться через барьерную функцию границы, то в Выборге — через контактную функцию, ведущую к возникновению смешанной, поликультурной идентичности. Если периферийность Петербурга и Кронштадта может интерпретироваться как отсталость от центра и усиливать общенациональную идентичность, то для Выборга это возможность формирования своей собственной локальной истории, дополняющей общенациональную идентичность. Все эти особенности позволяют сформировать

в одном и том же пространстве различные, а иногда и противоположные идентичности, как это и случилось в Выборге²⁷.

Одна из гипотез, выдвинутая исследовательской группой, заключалась в том, что пространственное восприятие жителей Выборга будет сводиться к осознанию себя частью европейской территории, противопоставленной России. В результате исследования были выявлены три наиболее распространенных пространственных представления: 1. Выборг — европейский (финский/шведский) город-крепость. При этом доминирует убеждение в принадлежности города к шведской культуре. 2. Мультикультурный город. Респонденты указывали, например, на традицию отмечать как российские, так и финские праздники. 3. Городу свойственна «особая исключительность». Отмечалась особая роль и место города как в истории государства, так и на карте. Выборг — это «русская заграница», «единственный средневековый город в России». Таким образом, авторы делают вывод о том, что пространство Выборга уникально, в нем представлено несколько типов идентичности, хотя локальная идентичность превалирует. За прошедшие десятилетия произошла переинтерпретация пространства: оборонные функции города трансформировались в контактные, в результате чего Выборг стал городом пограничных культур, традиций и ценностей²⁸.

Безусловно, это не единственное научное исследование пространственной идентичности Выборга, но оно отражает самые последние, современные представления жителей города. Ментальность горожан, влияние «следов» исторической памяти на особенности идентификации могут быть проиллюстрированы рядом выборгских Интернет-публикаций последних лет, которые были просмотрены прежде всего как источник изучения проблемы и которые могут существенно дополнить социологические практики. Их содержание в значительной мере подтверждает тезис о том, что Выборг формирует свою собственную локальную историю, основанную на исторической памяти различных поколений, либо живших в период изменения границ, либо до сих пор испытывающих на себе влияние различных дискурсов.

Весьма симптоматичной для определения ментальности жителей Выборга стала дискуссия, возникшая в феврале 2014 г. по поводу установки в Выборге (напротив здания ЗАГСа) православного памятника «Святые Петр и Февронья Муромские» как символа семьи и любви. Такие скульптурные композиции стоят уже в 37 городах России. Однако в Выборге эта идея вызвала сопротивление значительной части представителей администрации города, художников, историков, общественности. Их аргументы сводились к тому, что в таких русских городах, как Муром, Екатеринбург, Ростов Великий, Архангельск и других, где в облике города архитектурные доминанты имеют явно выраженную православную направленность, подобные скульптуры выглядят вполне логично. В Выборге же, где совершенно иная городская среда, подчеркивать приоритет православия было бы очень «неделикатно», это противоречит мультиконфессиональной и многонациональной истории Выборга, и такой на-

правленно православный памятник будет «чужим» в данной архитектурной и ментальной среде. Вполне определенно по этому поводу высказалась историк, автор множества статей и книг о Выборге Зинаида Новосёлова. По ее мнению, «даже когда Петр взял город, и Выборг вошел в состав Российской империи, он оставался иностранным городом, язык оставался шведским. Мы не древнерусский город, как Муром, у нас не тот менталитет. Действительно, памятник должен быть достоин нашего города и вписываться в его среду»²⁹. Как продолжение этой дискуссии на сайте газеты «Выборгские вести» было проведен опрос населения: следует ли установить такой памятник? В нем приняли участие более 150 человек. «Да», с различной мотивацией, сказали 37 % участников, «нет» ответили 43%³⁰. Этот факт, несомненно, отражает проявление противоположных идентичностей.

Чем же сегодня является Выборг в отношениях двух народов, финского и русского? Бесспорно, это один из тех «острых» вопросов, которые до сих пор активно обсуждаются горожанами. Изучение не только материалов социологических опросов, но также Интернет-публикаций и форумов свидетельствует о существующей неопределенности и осторожности дефиниций. Так, в Интернет-публикации 2009 г. Миллы Синиярви, озаглавленной «Есть ли у города национальность? История Выборга»³¹, прослеживается его сложная история, анализируются различные взгляды шведских, финских и российских историков на процесс основания города-крепости, проблему ментальных доминант; тем не менее, автор не дает ответа на очень конкретно поставленные вопросы: Выборг — финский город? Выборг — русский город? «Город не имеет национальности. ...Карелия, исторический регион в северо-восточной Европе, разделена на две части: одна принадлежит России, вторая Финляндии. Государственная граница разделяет не только территорию, но и взгляды людей»³², определяет их ментальность.

Проблемы этнокультурной трансформации территорий после изменения границ, «исторической справедливости» и другие «пограничные» проблемы постоянно обсуждаются жителями Выборга на Интернет-форумах. Совершенно иное отношение к «выборгскому вопросу» наблюдается на общероссийских сайтах. Например, в ноябре 2014 г. в электронном периодическом издании «ИноСМИ» была опубликована переведенная на русский язык статья из финской газеты “Helsingin Sanomat”, озаглавленная «Финны и потерянная Карелия» и посвященная вопросу возвращения Карелии³³. Если в обсуждении этой статьи не принял участие ни один человек, то на подобные публикации в финских печатных средствах массовой информации жители Выборга реагируют очень активно. Особое внимание обращается на следующий тезис финнов: «единая Карелия была одним из наиболее развитых районов Европы во все времена ее существования вне России» и необходимо ее воссоединение в составе Финляндии, но «без населения». Из содержания форумов следует, что последнее обстоятельство («без населения») в значительно большей степени вызывает негативную реакцию жителей Выборга, чем даже сама идея отторжения территории³⁴.

Это свидетельствует о том, что на приграничных территориях, существующих в сложном историческом контексте, пространственная идентичность населения может оказаться слабее стремления к признанию «европейской» идентичности, вызванного межкультурными коммуникативными практиками.

Данный здесь краткий обзор содержания некоторых Выборгских сайтов позволяет заключить, что различные внутренние и внешние (финские), в том числе ментальные факторы формируют у жителей Выборга своеобразную «идентификационную дихотомию», которая, вероятно, отсутствует у финнов. Целостную же картину пространственной и культурной идентичности, свойственную этому пограничному городу, возможно представить только в результате применения в исследовании рассмотренных здесь междисциплинарных методик.

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ. Грант 14-21-18001 а(м).

² Lynch K. The Image of the City. Cambridge MA, 1960. На русском яз.: Линч К. Образ города. М., 1982.

³ Замятин Л. П. «Образ города» как категория исторических исследований: подходы к изучению // Омский научный вестник. 2012. № 1(105). С. 27.

⁴ Там же. С. 28–29.

⁵ Ричардсон Т. Реплика // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 173–182. — URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_richardson.pdf (дата обращения: 9.01.2015).

⁶ Qualls K. D. 1) From Ruins to Reconstruction. Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Cornell, 2009; 2) Who Makes Local Memories? The Case of Sevastopol, 1944–2004 // Soviet and Post-Soviet Review. 2011; DeHaan H. D. Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power. Buffalo; N. Y., 2013; и др.

⁷ Small Towns in Early Modern Europe / Ed. Peter Clark. Cambridge University Press, 2002; Shaw D. Review Essay Small Towns and Nineteenth-Century Urbanization // Journal of Urban History. 2002. Vol. 28. P. 220–230; и др.

⁸ Бунич Е. А. Методы изучения восприятия городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (212). С. 43–47.

⁹ Мусиездов А. А. Город как культурная форма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 121–136.

¹⁰ М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова, М. Л. Лурье [Форум] // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 19.

¹¹ Бреславский А. С. [Форум] // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 45.

¹² Donald J. Imagining the Modern City. Univ. Of Minnesota Press; London, 1999.

¹³ Van Houtum H., Ernste H. Re-imagining spaces of (in)difference: contextualizing and reflecting on the intertwining of cities across borders // GeoJournal. 2001. Vol. 54. P. 101–105.

¹⁴ Ibid. С. 101.

¹⁵ Tourraine A. Can we live together? Equality and Difference. Cambridge, 2000.

¹⁶ Lefebvre H. The production of Space. Oxford, 1991.

¹⁷ Van Houtum H., Ernste H. Re-imagining spaces of (in)difference... С. 102.

¹⁸ Dorren G. Communities within the community: aspects of neighbourhood in seventeenth-century Haarlem // Urban History. 1998. Vol. 25.

¹⁹ *Deacon B.* The reformulation of territorial identity: Cornwall in the late eighteenth and nineteenth centuries. Open University PhD thesis. 2001. — URL: <http://hdl.handle.net/10036/20012> (дата обращения: 14.01.2015).

²⁰ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

²¹ Border Studies: азиатский вектор (Интервью с Полом Ричардсоном) // Ойкумена. 2013. № 2. С. 45.

²² *Paasi A.* Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian boundary. N. Y., 1996.

²³ См., например: *Paasi A.* 1) Regional planning and the mobilization of “regional identity”: from bounded spaces to relational complexity // *Regional Studies*. Vol. 47(8). P. 1206–1219; 2) The Finnish-Russian border as a shifting discourse: boundaries in the world of de-territorialization: Tearing Down the Curtain, Opening the Gates: Northern Boundaries in Change. *Sophi, Jyvaskyla*, 2000. P. 65–100; 3) The Region, Identity and Power // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 14. P. 9–16; и др.

²⁴ *Lähteenmäki M.* The Making of a Barrier between Two Worlds: Finnicization of Finnish-Russian Border in the 1910s-20s. — URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicctn/eurasia_border_review/ebr3/maria.pdf (дата обращения: 8.01.2015).

²⁵ Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л. Б. Вардковского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002. — URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter3.htm> (дата обращения: 6.01.2015).

²⁶ *Окунев И. Ю.* Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья) // *Критическая геополитика*: Сб. ст. Вып. 1. Ногинск, 2014. С. 52–53.

²⁷ Там же. С. 54–55.

²⁸ *Бахчиванжи В. П.* Особенности пространственной идентичности (на примере г. Выборга) // *Критическая геополитика*. С. 67–70.

²⁹ *Винокурова Е.* Нужен ли Выборгу православный памятник? — URL: http://vyborg-press.ru/pblogs/gorodskoy_landshaft/2014/02/14/nuzhen_li_vyborgu_pravoslavnyiy_pamyatnik (дата обращения: 17.11.2014).

³⁰ Там же.

³¹ *Синиярви М.* ЕСТЬ ЛИ ГОРОДА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ? История Выборга. — URL: <http://www.proza.ru/2009/10/29/317> (дата обращения: 18.11.2014).

³² Там же.

³³ Финны и потерянная Карелия. — URL: <http://inosmi.ru/world/20050824/221732.html> (дата обращения: 17.11.2014).

³⁴ Выборг. Обретающий душу? — URL: <http://talusha.3bb.ru/viewtopic.php?id=2396> (дата обращения: 19.11.2014).

УДК 304

Рябова Л. К. К методологии исследования восприятия городского пространства (случай Выборга) // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 110–121.

АННОТАЦИЯ: Статья предлагает обзор методов изучения воображаемого пространства города, что связано с интересом исследователей к вопросам ментальности городского населения, проблемам территориальной и культурной идентичности.

Становится очевидным междисциплинарный характер подобных исследований, при котором академический интерес к проблеме обнаруживается не только в области социологии и культурной антропологии, но и в гуманитарной географии, городской антропологии, геоистории и других отраслях гуманитарного знания. При этом каждая из наук привносит свои принципы и методы работы, усложняя исследовательский процесс и порождая методологический плюрализм. В связи с многообразием разработанных методик исследования важно прежде всего определить «доминантные свойства» объекта изучения и возможность применения к нему конкретных исследовательских методик. В случае с Выборгом такими доминантами стали пограничное положение города, переплетение в его судьбе шведской, финской и русской истории, длительная история разделения контрастных культурных и политических систем границей между Россией и Финляндией. Изменение границ, происходившее не один раз в истории города, привело к изменению ментальностей и формированию сложных по своему содержанию идентичностей. Специфика ментальности жителей Выборга обозначена как «идентификационная дихотомия». Целостную же картину пространственной и культурной идентичности, свойственную этому пограничному городу, возможно представить только в результате применения в исследовании рассмотренных здесь междисциплинарных методик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ города, ментальность, территориальная идентичность, Выборг.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ludmilar@mail.ru

Riabova L. K. 'Toward a Methodology for Researching the Perception of City Space (On the Case of Vyborg)'

ABSTRACT: The article provides an overview of research methods concerning the imaginary space of the city, which is connected to issues such as the mentality of urban inhabitants and the sites's territorial and cultural identity. The interdisciplinary nature of such research is obvious, involving issues drawn from not only sociology and cultural anthropology, but also geography, urban anthropology, geohistory and other humanitarian fields. Each of these fields brings with it its own methods, making the research process more complex and creating a situation of methodological pluralism. Due to the diversity of research methods, first of all it proved important to determine the "dominant features" of the research object and then identify the usefulness of different research methods. In the case of the city of Vyborg, the most "dominant features" concerned its frontier location, its mixture of Swedish, Finnish and Russian histories, and its long isolation from important cultural and political systems due to the Russian-Finnish border. Border changes, made several times in the city's history, precipitated major shifts in mentality and the formation of complex identities. This unusual dimension of the mentaity of Vyborg residents is described herein as an "identity dichotomy".

KEYWORDS: image of city, mentality, territorial identity, Vyborg.

AUTHOR: Candidate in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); ludmilar@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Lynch K. *The Image of the City* (Cambridge MA, 1960).
- ² Lynch K. *Образ города* (Moscow, 1982).
- ³ Zamiatin L. P. «Образ города» как категория исторических исследований: подходы к изучению' in *Omskii nauchnyi vestnik*, 2012, no. 1 (105).
- ⁴ Richardson T. 'Replika' in *Antropologicheskii forum*, 2010, no. 13.
- ⁵ Qualls K. D. *From Ruins to Reconstruction. Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II* (Cornell, 2009).
- ⁶ Qualls K. D. 'Who Makes Local Memories? The Case of Sevastopol, 1944–2004' in *Soviet and Post-Soviet Review*, 2011.

-
- ⁷ DeHaan H. D. *Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power* (Buffalo–New-York, 2013).
- ⁸ *Small Towns in Early Modern Europe*, Ed. Peter Clark (Cambridge, 2002).
- ⁹ Shaw D. 'Review Essay Small Towns and Nineteenth-Century Urbanization' in *Journal of Urban History*, 2002, Vol. 28.
- ¹⁰ Bunich E. A. 'Metody izucheniia vospriiatiia gorodskogo prostranstva' in *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotcialnye peremeny*, 2012, no. 6 (212).
- ¹¹ Musiezdov A. A. 'Gorod kak kulturnaia forma' in *Sotciologicheskoe obozrenie*, 2013, Vol. 12, no. 3.
- ¹² M. D. Alekseevskii, M. V. Akhmetova, M. L. Lurie '[Forum]' in *Antropologicheskii forum*, 2010, no. 12.
- ¹³ Breslavskii A. S. '[Forum]' in *Antropologicheskii forum*, 2010, no. 12.
- ¹⁴ Donald J. *Imagining the Modern City* (Univ. Of Minnesota Press; London, 1999).
- ¹⁵ van Houtum H., Ernste H. 'Re-imagining spaces of (in)difference: contextualizing and reflecting on the intertwining of cities across borders' in *GeoJournal*, 2001, Vol. 54.
- ¹⁶ Tourraine A. *Can we live together? Equality and Difference* (Cambridge, 2000).
- ¹⁷ Lefebvre H. *The production of Space* (Oxford, 1991).
- ¹⁸ Dorren G. 'Communities within the community: aspects of neighbourhood in seventeenth-century Haarlem' in *Urban History*, 1998, Vol. 25.
- ¹⁹ Deacon B. *The reformulation of territorial identity: Cornwall in the late eighteenth and nineteenth centuries*. Open University PhD thesis (2001).
- ²⁰ Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptcii Vostoka* (St. Petersburg, 2006).
- ²¹ *Border Studies: aziatskii vektor (Interviu s Polom Richardsonom)* in *Oikumena*, 2013, no. 2.
- ²² Paasi A. *Territories, boundaries, and consciousness: the changing geographies of the Finnish-Russian boundary* (New-York, 1996).
- ²³ Paasi A. 'Regional planning and the mobilization of "regional identity": from bounded spaces to relational complexity' in *Regional Studies*, Vol. 47 (8).
- ²⁴ Paasi A. *The Finnish-Russian border as a shifting discourse: boundaries in the world of de-territorialization: Tearing Down the Curtain, Opening the Gates: Northern Boundaries in Change* (Jyvaskyla, 2000).
- ²⁵ Paasi A. 'The Region, Identity and Power' in *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, Vol. 14.
- ²⁶ *Bezopasnost i mezhunarodnoe sotrudnichestvo v poiaie novykh granitc Rossii*, Ed. L. B. Vardomskiy, S. V. Golunov (Moscow–Volgograd, 2002).
- ²⁷ Okunev I. Yu. 'Rol interpretacii prostranstva v formirovanii identichnosti (na primere rossiisko-evropeiskogo pogranichia)', *Kriticheskaiia geopolitika: Sb. st., Iss. 1* (Noginsk, 2014).